

ПОЛИТИКА СЕПАРАТИСТСКОГО РЕЖИМА ЧЕЧНИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЙНЕ В ДАГЕСТАНЕ В АВГУСТЕ-СЕНТЯБРЕ 1999 ГОДА

© 2021

Тумаков Д.В.

Ярославский государственный медицинский университет (г. Ярославль, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье предпринята попытка анализа политики чеченского сепаратистского режима по отношению к военным действиям между федеральным Центром и формированиями радикальных исламистов в Дагестане и к громким терактам в российских городах в августе-сентябре 1999 года. В его основу легли данные типичных по содержанию статей центральной периодической печати, а также воспоминаний ключевых участников тех событий с обеих сторон и исследовательской литературы. Поскольку боевики вторглись в Дагестан с территории Чечни, российская сторона сначала намекала, а затем уже потребовала от официального Грозного немедленного принятия решительных мер по пресечению данной деятельности. Однако президент самопровозглашённой республики А.А. Масхадов повёл себя противоречиво. С одной стороны, его правительство отрицало или преуменьшало участие чеченцев в начавшейся войне, а также обвиняло в произошедшей трагедии саму Россию и публично высказывало предположение, что Кремль хочет воспользоваться дагестанской войной и всплеском терроризма для срыва парламентских выборов. С другой стороны, Грозный стремился отвести от себя любые обвинения в политическом экстремизме или причастности к террору, а потому демонстрировал готовность к компромиссу с центральными властями. Однако в силу сепаратистских настроений лидеров Чечни, начавшихся бомбардировок её территории и жёсткого настроения российских военных и большей части общества диалог между Москвой и Грозным оказался невозможен, а стороны оказались вовлечены в новую войну.

Ключевые слова: Чечня; Чеченская Республика Ичкерия; Дагестан; Северный Кавказ; Россия; федеральный Центр; Аслан Масхадов; официальный Грозный; мятеж; военные действия; война; терроризм; бомбардировки; полевые командиры; исламские радикалы; экстремисты; сепаратисты; армия.

THE POLICY OF THE SEPARATIST REGIME OF CHECHNYA IN RELATION TO THE WAR IN DAGESTAN IN AUGUST-SEPTEMBER 1999

© 2021

Tumakov D.V.

Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russian Federation)

Abstract. This paper attempts to analyze the policy of the Chechen separatist regime in relation to military actions between the Federal Center and radical Islamist groups in Dagestan and the high-profile terrorist attacks in Russian cities in August-September 1999. It was based on the data of typical articles of the central periodical print, as well as the memories of key participants of those events on both sides and research literature. As the militants invaded Dagestan from the territory of Chechnya, the Russian side first hinted, and then demanded from the official Grozny take decisive measures to curb this activity immediately. However, the president of the self-proclaimed republic A.A. Maskhadov behaved contradictorily. On the one hand, his government denied or downplayed the Chechens' involvement in the war, and blamed Russia itself for the tragedy and publicly suggested that the Kremlin want to take advantage of Dagestan and a surge of terrorism to disrupt parliamentary elections. On the other hand, Grozny sought to deflect any accusations of political extremism or involvement in terror, and therefore demonstrated a willingness to compromise with the central authorities. However, due to the separatist sentiments of Chechnya leaders, the bombing of its territory and the rigid mood of the Russian military and most of society, dialogue between Moscow and Grozny was impossible, and the parties were involved in a new war.

Keywords: Chechnya; Chechen Republic of Ichkeria; Dagestan; North Caucasus; Russia; federal center; Aslan Maskhadov; official Grozny; rebellion; military action; war; terrorism; bombings; field commanders; islamic radicals; extremists; separatists; army.

В конце 1990-х годов Россия оказалась вовлечена в новый вооружённый конфликт на Северном Кавказе. Его характер оказался несколько иным, чем прежде. Если в 1994–1996 гг. в Чечне федеральному Центру противостояли обычные светские националисты, то боевые действия в Дагестане в августе-сентябре 1999 года стали первым серьёзным военным столкновением России с радикальными исламистами на собственной территории. Несмотря на относительную скоротечность, операция против вторгшихся из Чечни в Дагестан группировок Ш.С. Басаева и Хаттаба оказалась кровопролитной. По официальным

данным, федеральные и местные силовые структуры потеряли 279 человек убитыми и 800 ранеными [1, с. 590], в то время как безвозвратные потери противника составили около 2000 человек [2, с. 113]. Параллельно с упомянутыми боевыми действиями, в Буйнакске, Москве и Волгодонске произошли беспрецедентные в истории новой России теракты, унесшие жизни в общей сложности 307 мирных жителей, ещё более 300 получили ранения и контузии, многие остались инвалидами [3, с. 506]. По официальной версии, заказчиками, организаторами и непосредственными исполнителями данных преступле-

ний были чеченские полевые командиры и их подчинённые, прошедшие подготовку в учебных лагерях на территории мятежной республики. В силу этого дагестанская война стала одновременно преамбулой второй чеченской кампании.

Трагическим событиям рубежа XX–XXI вв. на Северном Кавказе посвящено большое количество различных исследований, выполненных как профессиональными историками, так и экспертами-аналитиками или военными журналистами [4–8]. Чаще всего предметом их изучения были военные действия в Дагестане и Чечне или причины роста терроризма в данном регионе страны. Однако ряд аспектов дагестанского кризиса всё ещё остаётся довольно слабо освещённым в историографии. К числу таких относится политика официального правительства самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ), до осени 1999 года признававшегося федеральным Центром в качестве легитимной власти Чечни, по отношению к войне в Дагестане. Анализ публичных заявлений и действий чеченского президента А.А. Масхадова в августе-сентябре 1999 года по дагестанскому вопросу является целью настоящего исследования.

Важно оговориться, что в условиях широкомасштабных нападений с чеченской территории и беспрецедентного всплеска терроризма в стране Кремль ожидал от режима сепаратистов в Грозном внятной реакции и ясно давал тому это понять. Уже после первых стычек в горах Дагестана министр РФ по делам национальностей и федеративной политике В.А. Михайлов и заместитель главкома ВВ МВД РФ генерал-лейтенант С.Ф. Кавун утверждали, что вторжение в Цумадинский и Ботлихский районы осуществили «дикие бандитские формирования, не имеющие чувства уважения к собственному народу» [9], оговорившись, что ими руководит неподконтрольный правительству Чечни полевой командир Хаттаб. Действия боевиков на чечено-дагестанской границе российские официальные СМИ объясняли желанием кавказских радикалов сорвать встречу президентов Б.Н. Ельцина и А.А. Масхадова. Более того, утверждал корреспондент «Красной звезды», в случае договорённости между ними могут начаться совместные операции Москвы и Грозного против группировок экстремистов [10; 11]. После эскалации конфликта 12 августа МВД России даже направило президенту самопровозглашённой республики официальное письмо с предложением о начале такой совместной акции с целью уничтожения баз исламских радикалов, атаковавших Дагестан [12].

Однако уже спустя десять дней начальник Управления информации МВД РФ полковник милиции О.В. Аксёнов с неудовольствием констатировал в интервью «Красной звезде», что контакты с чеченскими коллегами «вовсе не на таком уровне, как того хотелось бы» [13]. В дальнейшем требования России к официальным властям Чечни продолжали ужесточаться. После вытеснения исламистов из горных районов Дагестана республиканский прокурор И.М. Яралиев направил в генеральную прокуратуру ЧРИ письмо с просьбой о выдаче основных организаторов вторжения из числа собственно дагестанских радикалов (М.С. Тагаев, А.М. Алиев, Б.М. Кебедов, С.Ч. Рамазанов) [14], а после формального окончания военных действий руководство Дагестана потребовало от

официального Грозного извинений за вторжение боевиков с территории Чечни и передачи уже самих Ш.С. Басаева и Хаттаба в руки правосудия [15]. Ещё позднее премьер-министр России В.В. Путин в одном из интервью для прессы выдвигал в качестве предварительного условия для встречи с А.А. Масхадовым подписание тем совместного заявления с осуждением терроризма и нападений на сопредельные территории [16].

Однако требования Москвы остались без удовлетворения. Чеченский оппозиционер А.А. Келиматов, неоднократно встречавшийся с будущим президентом самопровозглашённой республики А.А. Масхадовым после подписания Хасавюртовских соглашений, зафиксировал в мемуарах его двойственность. Тем же качеством он отличался и как политик [17, с. 526–528]. Правительство А.А. Масхадова в августе-сентябре 1999 года повело себя крайне противоречиво. Изначально официальный Грозный пытался отрицать сам факт участия чеченцев в боевых действиях на территории соседней республики, а саму военную кампанию в Дагестане оценивал как внутренние усобицы и продолжение прежних стычек на границе. Сразу после первых столкновений в Цумадинском районе генеральный представитель ЧРИ в Москве М.М. Ваचाгаев от имени руководства республики сделал заявление, согласно которому «никакие так называемые вооружённые формирования в Дагестан со стороны Чечни не входили» [18]. Практически одновременно первый заместитель министра госбезопасности ЧРИ А. Мачукаев утверждал, что контроль над Цумадинским районом установили некие «вооружённые дагестанские отряды», а не чеченцы [19]. При этом чеченские власти не отрицали, что начавшие войну в соседней республике радикалы ранее обучались в лагерях полевого командира Хаттаба на территории Чечни. Как публично утверждал сам президент непризнанной Ичкерии, летом 1999 года происходило «возвращение в Дагестан изгнанных оттуда граждан» [20]. Его представитель в Москве даже не стал отрицать, что у непризнанной республики есть собственные интересы в различных конфликтах в Северо-Кавказском регионе, хотя и подчеркнул, что вмешаться в их ход чеченцы могут «исключительно по личной инициативе», а не по распоряжению президента А.А. Масхадова. Тем самым Ваचाгаев дал понять, что возможное присутствие боевиков из Чечни в соседнем Дагестане не имеет прямого отношения к политике официального Грозного [21, с. 13].

Некоторые представители Чечни в интервью столичным изданиям попытались уверить российскую общественность в том, что не только избранное руководство непризнанной республики, но и арабский исламист Хаттаб – это «не проблема даже для России», так как террористом этот человек будто бы не является. В свою очередь, созданные им ещё в середине 1990-х годов в Чечне лагеря по подготовке боевиков характеризовались как аналоги центра молодого бойца в Вооружённых Силах СССР или РФ. Сепаратисты особо подчёркивали, что эти лагеря одновременно могли принять не более нескольких десятков курсантов, а официальные власти ЧРИ активно пытаются подчинить их своей власти. В частности, вице-премьер А.А. Закаев, ещё в период войны 1994–1996 гг. снискавший в центральных СМИ

репутацию умеренного полевого командира, утверждал, что Хаттаб «находится в официальных структурах Чеченской Республики Ичкерия, является военнослужащим её вооружённых сил ... подчиняется и действует с одобрения государственного руководства...» [22]. Такого рода определения звучали крайне двусмысленно и отчасти даже делали более весомыми российские обвинения в адрес сепаратистского режима.

После того как участие известных полевых командиров в боях в Дагестане перестало быть тайной, заметно преуменьшить его масштаб старался уже сам А.А. Масхадов. В беседах с главным редактором газеты «Грозненский рабочий» М.К. Мурадовым и журналистами французской газеты *Le Monde* чеченский лидер утверждал, что командовавший силами боевиков Ш.С. Басаев был всего лишь «частным лицом» и «обыкновенным гражданином Ичкерии», а потому никто не мог запретить ему участие в походе на Дагестан. В качестве аналогичного примера Масхадов приводил факт участия сотен российских граждан в войнах на Балканском полуострове на сербской стороне в 1990-е годы. Полевого командира Хаттаба на пресс-конференции в Грозном 2 октября глава непризнанного государства охарактеризовал как обычного «добровольца» во время войны 1994–1996 гг., который и тогда «ничем особо не выделялся», а после Хасавюртовских соглашений не имел никакой возможности влиять на внутреннюю политику Ичкерии и не пытался этого делать [23]. Масхадов старательно подчёркивал преобладание уроженцев Дагестана в вооружённом противостоянии с федеральными войсками. По его оценке, в Цумадинском и Ботлихском районах основу боевиков составляли проживавшие там аварцы, в Кадарской зоне – даргинцы, а из 1500 боевиков, вторгшихся в Новолакский район Дагестана, до 1300 были аварцами или лакцами [24].

Второй важной составляющей позиции официального Грозного в те дни стала резкая критика национальной политики федерального Центра на Северном Кавказе. Как считал М.М. Вачагаев, российские власти в лице премьер-министра В.В. Путина и министра внутренних дел В.Б. Рушайло якобы ведут пропагандистскую кампанию против Ичкерии и нагнетают обстановку на границе, чтобы развязать новую войну с целью захвата её нефтяного комплекса [18; 21]. Даже после подтверждения российских сообщений о присутствии чеченских боевиков в Дагестане Вачагаев по-прежнему намекал на то, что Кремль может воспользоваться новым обострением обстановки на Северном Кавказе и постарается отменить назначенные на декабрь 1999 года выборы в Государственную Думу. Представитель ЧРИ обвинял Россию в том, что она занимается исключительно предоставлением денежных дотаций республикам, граничащим с мятежной Чечнёй. В то же время, по его оценке, помощь Центра самой Чечне во второй половине 1990-х годов ограничивалась предоставлением протезов для детей-инвалидов по линии Министерства здравоохранения и школьного инвентаря от Министерства образования РФ. Такой политике он противопоставлял щедрую поддержку от Турции, Пакистана, Малайзии и ряда арабских стран, которые предоставили для обучения чеченских студентов собственные университеты. К помощи от стран ис-

ламского Востока Вачагаев отнёс и факт двухлетних переговоров об открытии в Грозном филиала Исламского банка [25]. Также власти ЧРИ пригрозили Москве, что, в случае нанесения воздушных ударов по территории республики, они официально обратятся с жалобой в различные международные организации и приведут в боевую готовность свои вооружённые силы. Более того, М.М. Вачагаев утверждал, что в подобном случае произойдёт консолидация всех политических сил Чечни вокруг её официального правительства, как это уже происходило в 1994–1996 гг. [25].

Сепаратисты действительно приняли некоторые меры по укреплению обороноспособности самопровозглашённого государства. С 16 августа президент А.А. Масхадов ввёл в республике чрезвычайное положение сроком на месяц. В ночное время суток гражданам самопровозглашённого государства было запрещено появляться на улицах без специальных пропусков, а в районах «возможных боевых действий» такие пропуска должны были предъявлять по первому требованию сил правопорядка все автомобилисты. Власти ЧРИ запретили все массовые мероприятия, а министерство юстиции получило право закрывать все независимые издания и отзываться лицензии у частных телекомпаний. Наконец, силовые ведомства Чечни были приведены в состояние боевой готовности, а на дагестанской границе были развёрнуты резервы, началось строительство оборонительных сооружений [26, с. 149]. 11 сентября в приграничных районах мятежной республики была объявлена всеобщая мобилизация, а оборонительная линия начала создаваться уже на границе со Ставропольским краем [27]. В телевизионном обращении к народу 13 сентября чеченский президент объявил о реальной угрозе вторжения российских войск и призвал всё мужское население республики готовиться к обороне [28]. Такие действия официального Грозного могли быть расценены в Москве как явная подготовка к войне. Негативных оценок Чечня в этот период удостоилась и от ближайших соседей. Председатель Государственного совета (Госсвета) Дагестана М.М. Магомедов пожаловался на то, что после начала боёв А.А. Масхадов не только ни разу ему не позвонил с извинениями, но и сохранил за одним из руководителей сил вторжения Ш.С. Басаевым место в Совете безопасности ЧРИ [29]. Позднее уже МВД Дагестана сообщило о призыве на военную службу в Ичкерии 8000 резервистов, часть из которых была размещена на границах с соседними субъектами РФ [30].

Признавая справедливость вышеприведённых упреков, мы должны признать, что сепаратистский режим, столкнувшись с прямой военной угрозой, всё же пошёл на определённые уступки Москве. 11 августа, после демонстрации по основным российским телеканалам видеозаписи о нахождении полевого командира Ш.С. Басаева в селе Рахата Ботлихского района, власти Ичкерии были вынуждены признать наличие в Дагестане неких «добровольцев из Чечни» [31]. Примерно в это время начальник таможенно-пограничной службы ЧРИ Х. Далаев заявил о получении приказа об усиленной охране границы с Дагестаном и готовности предпринять «самые жёсткие силовые меры» против любых её нарушителей [32]. Позднее сам президент А.А. Масхадов публично осудил действия радикалов в Дагестане и констатиро-

вал, что преимущества исламского государства им нужно было показать на собственном примере. Его поддержали представители духовенства и старейшины Чечни [33]. Сразу после начала военной операции федеральный войск против салафитов Кадарской зоны чеченский лидер вывел из состава Совета безопасности ЧРИ одного из радикальных идеологов М.С. Удугова с формулировкой «за ущерб, нанесённый традиционной дружбе чеченского и дагестанского народов» [34]. Спустя две недели, в уже упомянутом выше телевизионном обращении к народу, Масхадов назвал добровольное участие соотечественников в дагестанских событиях «предательством собственного народа» и «подыгрыванием российским спецслужбам», якобы искавшим любой повод для начала новой войны [35]. 14 сентября он направил Президенту РФ Б.Н. Ельцину, спикеру Совета Федерации Е.С. Строеву и председателю Госсовета Дагестана М.М. Магомедову соболезнования в связи с многочисленными жертвами в результате терактов в Буйнакске и Москве [36].

В тот же день, стремясь избавиться от обвинений из Москвы в поддержке терроризма, непризнанная Ичкерия создала оперативно-следственную группу в помощь российским коллегам для расследования упомянутых терактов. Заместитель министра внутренних дел ЧРИ Х. Межидов даже заявил о готовности своих подчинённых выехать в российскую столицу по первому требованию и заниматься поиском виновных, находясь в тесном контакте с местной чеченской диаспорой [37]. Чуть позднее о миролюбии официального Грозного заявлял уже вице-премьер самопровозглашённой республики К.Д. Махашев, который активно стремился опровергнуть версию о «чеченском следе» терактов в российских городах. С его слов, теракт в Буйнакске совершили дагестанские радикалы, а соответствующие слухи создавали представители властей РФ, желавшие создать общественную поддержку для идеи повторного ввода в Чечню федеральных сил [38]. 6 сентября, в речи на военном параде в Грозном по случаю очередной годовщины провозглашения независимости Чечни, Масхадов особо подчеркнул, что ни его правительство, ни республика в целом не имеют никакого отношения к происходившим в Дагестане трагическим событиям [39]. В более поздних интервью и на пресс-конференциях он также активно стремился опровергнуть любые подозрения в причастности чеченцев к терактам в России, приводя в качестве аргумента тот факт, что в ходе кампании 1994–1996 гг. сепаратисты «не прибегали к таким методам, которые роняют честь настоящих военных» [40], то есть «никогда не воевали на чужой территории...» и «никогда не прибегали к террористическим актам» [23]. Учитывая опыт Будённовска, Кизляра и Первомайского, последние утверждения выглядели более чем спорными.

Даже известный непримиримым отношением к любым сепаратистам на Кавказе командующий 58-й армией генерал-майор В.А. Шаманов на пресс-конференции во Владикавказе не смог подтвердить причастность к событиям в Дагестане военных сил официального Грозного, хоть и с оговоркой, что он не знает таких [41]. Поэтому и в этой ситуации президент Масхадов попытался найти компромисс с федеральными властями. 16 сентября на общенациональ-

ном антивоенном митинге в Грозном, собравшем несколько десятков тысяч участников, он в очередной раз осудил чеченских радикалов за участие в войне в Дагестане и отверг сведения о причастности официальных структур Ичкерии к организации терактов в российских городах. Тогда же президент Чечни публично призвал российские власти к мирному урегулированию возникшего конфликта [27]. Аналогичный посыл содержался и в его интервью, данных в сентябре 1999 года центральным и зарубежным периодическим изданиям, но он был выражен достаточно специфично и в результате не смог сблизить позиции Москвы и Грозного. А.А. Масхадов опять повторял, что главными причинами войны в Дагестане стали глубокие внутренние проблемы этой республики и неудачная политика федерального Центра на Северном Кавказе. Именно Россию он обвинял в несоблюдении мирных договорённостей 1996–1997 гг., что, в свою очередь, привело к активизации религиозного радикализма и росту террористических проявлений в регионе. Была раскритикована Масхадовым и силовая операция Москвы и Махачкалы против мятежных сёл Кадарской зоны, позволившая исламским радикалам из различных кавказских республик объединиться [24].

Для улучшения обстановки на Северном Кавказе, считал чеченский президент, необходимо было изменение национальной политики со стороны российских властей. В качестве успешного примера нового подхода, основанного на уважительном отношении к интересам коренных народов региона, А.А. Масхадов приводил успешные переговоры и.о. министра внутренних дел РФ С.В. Степашина и официальной Махачкалы с кадарскими салафитами в 1998 году. Для укрепления стабильности в регионе он предлагал России установить «дружеские, добрососедские отношения», которые понимал именно как межгосударственные, а для этого считал необходимым личную встречу с Президентом РФ Б.Н. Ельциным или премьер-министром В.В. Путиным. Через интервью некоторым столичным изданиям Масхадов стремился заверить российское руководство, что независимая Чечня в будущем станет его надёжным экономическим партнёром и даже военной опорой против блока НАТО на юге. Вторым плюсом признания Ичкерии её президент полагал появившуюся в таком случае у него возможность разоружить собственных радикальных оппозиционеров (Ш.С. Басаев, М.С. Удугов и др.) и изгнать иностранцев (Хаттаб) за пределы республики [23; 42, с. 16]. В том, что взаимоотношения Москвы и Грозного в 1997 году так и не были окончательно урегулированы, он обвинил ближайшее окружение российского лидера, которое планировало не достижение настоящего мира в регионе, а новую войну в Чечне с целью взять реванш за прежнее поражение [24]. Очевидно, А.А. Масхадов в тот период стремился использовать любой шанс для возобновления переговоров. Об этом свидетельствует тот факт, что лидер сепаратистов в некоторых интервью упоминал о письме, отправленном им на имя красноярского губернатора А.И. Лебедева – своего партнёра по переговорному процессу 1996 года. Целью письма было содействие в восстановлении мира на Кавказе [40; 42]. В конце сентября на встрече с руководителями Ингушетии и Северной Осетии в Магасе чеченский лидер попросил тех о помощи в борьбе с собственными религиозными радикалами, а также в по-

мощи по организации встречи с российскими первыми лицами [43]. Однако федеральный Центр в 1999 году уже не ждал от законного чеченского президента предложений о новых переговорах и тем более не собирался официально признавать независимость мятежной республики, а рассчитывал на заметные уступки со стороны сепаратистов.

Чтобы понять, почему А.А. Масхадов не пошёл на компромисс с Центром на условиях последнего, обратимся к характеристикам его личности в мемуарной литературе. Полномочный представитель Президента РФ в Чечне В.С. Власов охарактеризовал лидера сепаратистов как «слабого ... и безвольного человека», хотя и производившего внешне благоприятное впечатление [44, с. 138]. Братья Халид и Сулим Ямадаевы – чеченские полевые командиры, позднее перешедшие на российскую сторону, – также считали своего бывшего президента «слабым человеком», который «боялся ваххабитов» и потому не предпринял никаких активных действий против них [45, с. 64, 68]. Спустя десять лет другие бывшие соратники лидера сепаратистов (вице-премьер Л.-А.И. Алсултанов, министр внутренних дел К.Д. Махашев и муфтий Б.-А. Тевсиев), также сложившие оружие, назвали главной причиной бездействия А.А. Масхадова по отношению к событиям в Дагестане слабость его власти [46]. Последний аргумент не может быть проигнорирован. Однако крайне маловероятно, чтобы столь непримечательный человек мог стать сначала полковником Советской Армии, затем возглавить Главный штаб самопровозглашённой Ичкерии и достичь победы над превосходящими силами федерального Центра в ходе первой чеченской войны 1994–1996 гг., а потом победить на президентских выборах в Чечне в 1997 году. В свою очередь, бывший премьер-министр России Е.М. Примаков в мемуарах утверждал, что чеченский лидер в 1999 году «не просчитал и реальные последствия агрессии против Дагестана и террористических актов в России», а также недооценил реакцию федерального Центра на эти события [47, с. 461].

Представляется, что и ошибка российского политического истеблишмента заключалась в неверной оценке самой фигуры А.А. Масхадова. Во-первых, нельзя забывать о том, что, несмотря на относительно умеренность его политических взглядов, он с начала 1990-х годов был активным участником сепаратистского движения в Чечне и соратником Ш.С. Басаева и других радикалов во время успешной для них военной кампании 1994–1996 гг. против России. Достаточно упомянуть, что в собственной книге, изданной накануне выборов президента Чечни в 1997 году, А.А. Масхадов называл будущих организаторов и руководителей вторжения в Дагестан Ш.С. Басаева и Х.-П.Г. Исрапилова своими «друзьями», «боевыми товарищами» и даже «лидерами чеченского народа» [48, с. 4, 19–20]. Хотя в дальнейшем их взаимоотношения заметно ухудшились, Москве было трудно рассчитывать на то, что президент непризнанной Ичкерии быстро согласится на её требования о немедленной выдаче радикальных полевых командиров. Более того, угрозы со стороны центральных властей страны не были для него столь страшны. В одном из интервью Масхадов обвинял Россию в провоцировании усобицы в Чечне по афганскому сценарию, добавив, что именно такого поворота событий он опасается в большей степени, нежели возобнов-

ления вооружённого противостояния с федеральным Центром [24]. Добавим к этому, что вспышки вооружённых распри между сторонниками и противниками сепаратистского режима уже имели место в республике в 1993–1994 гг. и унесли большое количество человеческих жизней [49, с. 326–331], поэтому означенная угроза выглядела для Чечни далеко не бесосновательной.

Во-вторых, чеченские власти были откровенно возмущены регулярными воздушными налётами российской авиации на населённые пункты республики и тотальной блокадой со стороны РФ [42]. Уже во время стычек в Цумадинском районе официальный Грозный утверждал о ракетно-бомбовом ударе ВВС России по высокогорному селу Кенхи, результатом которого стали разрушения и жертвы [19]. В дальнейшем масштабы бомбардировок Чечни заметно возросли. В заявлениях президента и других официальных лиц самопровозглашённой Ичкерии в те дни приводились сведения о гибели от 150 до 300 гражданских лиц в приграничных районах в результате ежедневных ударов авиации и артиллерии федеральных сил. Независимые российские издания, ссылаясь на собственные источники в федеральных силовых структурах, также подтверждали гибель не менее 200 мирных жителей Чечни [50]. Президент Чечни утверждал также о разрушениях инфраструктуры в 15–30 сёлах, уничтожении до 300 жилых домов и о 20 тысячах жителей пограничных районов на востоке и юго-востоке Чечни, бежавших в Грозный из-за действий российской армии. Среди них были и гребенские казаки, проживавшие на севере республики. К этому можно добавить, что свыше 1,5 тысяч ногайцев предпочли покинуть Шелковской район Чечни и уйти в соседний Дагестан. На упоминавшейся выше пресс-конференции 2 октября А.А. Масхадов охарактеризовал действия ВВС России как «варварские методы», от которых вооружённые отряды радикалов «нисколько не страдают» [23; 24; 27; 28; 40; 42, с. 18]. Его точку зрения разделяли и многие жители республики, бежавшие от бомбардировок в соседнюю Ингушетию [51].

Простые чеченцы, опираясь на прежний горький опыт, полагали, что вслед за воздушными налётами последует ввод сухопутных частей федеральной армии в их республику. Дневниковая запись будущей писательницы П.В. Жеребцовой, в тот период обычной школьницы из чеченской столицы, от 9 сентября 1999 года гласила: «...у нас, наверно, скоро будет война. В сёлах вокруг Грозного уже бомбит российская авиация» [52, с. 207]. В этих условиях любые значительные уступки Москве со стороны президента Чечни не вызвали бы поддержки в чеченском обществе. Именно это и имел в виду полевой командир Ш.С. Басаев, призывавший Масхадова объявить России джихад после нанесения первых бомбовых ударов по чеченской территории [53]. Другой известный радикал, полевой командир Х.-П.Г. Исрапилов, обвинял российские органы правопорядка в незаконных арестах в общей сложности более чем 1 тысячи этнических чеченцев и постоянных оскорблениях всей диаспоры. В случае продолжения воздушных бомбардировок Чечни он пообещал «заявиться к вам» и «вас (Россию. – *Авт.*) ... держать под контролем» [54]. Такая фразеология оппозиционеров была призвана повысить их популярность в народной среде, но одновременно вынуждала и президента А.А. Мас-

хадова проявлять твёрдость по отношению к требованиям федерального Центра. Не случайно министр обороны в правительстве сепаратистов М.И. Хамбиев вскоре после перехода на сторону пророссийской администрации республики утверждал, что любые силовые действия официального Грозного против радикальных группировок осенью 1999 года вызвали бы резко отрицательную реакцию простых чеченцев. По его оценке, не менее 40% жителей республики в тот период испытывали положительные чувства к Ш.С. Басаеву, считая его героем и освободителем [45, с. 246–249]. Официальные власти Ичкерии в августе-сентябре 1999 года предпочли диалогу с Москвой апелляцию к различным международным инстанциям. Первоначально внешнеполитическое ведомство непризнанной республики обратилось к мировому сообществу с жалобами в адрес России, вызвав саркастические комментарии и обвинения в попустительстве террористам в центральных масс-медиа [55]. Примерно через месяц уже сам её лидер пригласил зарубежных журналистов для демонстрации разрушительных последствий бомбёжек Чечни [56].

В свою очередь, российские военные различного ранга – от обычных солдат и младших офицеров до первых лиц в армейской иерархии – настаивали на доведении борьбы с исламистами до победного конца, невзирая на позицию официального руководства Чечни [57; 58]. Весьма примечательно, что начальник Генерального штаба Вооружённых Сил РФ генерал армии А.В. Квашнин в беседах с подчинёнными сравнивал обстановку осени 1999 года на Северном Кавказе с ситуацией 1944 года в Европе и, говоря о мятежной Чечне, даже прибегнул к медицинским аналогиям с «загноившейся раной» и «гангреной» [59, с. 254–255]. Столь однозначная позиция обуславливалась не только реваншистскими настроениями, но и страшными терактами в нескольких городах и, как следствие этого, начавшейся паникой в стране. Как вспоминал год спустя в мемуарах Президент РФ Б.Н. Ельцин, жители Москвы переезжали в сельскую местность или на дачные участки, некоторые даже переехали на временное жительство в страны СНГ. Ночные дежурства у подъездов собственных домов осенью 1999 года стали достаточно распространённым явлением [60, с. 387]. При этом жёсткий ответ радикалам в Дагестане, а также блокаду границ и воздушные бомбардировки Чечни в целом поддерживали даже демократические силы России, ранее принципиально осуждавшие применение силы на Северном Кавказе со стороны Центра [61, с. 294–300]. В таких условиях любой серьёзный политический диалог Москвы и Грозного оказался принципиально невозможен.

Подводя итог, отметим, что в августе-сентябре 1999 года режим чеченских сепаратистов явно опоздал за быстрым развитием событий на Северном Кавказе. Президент А.А. Масхадов в это время повёл себя двойственно, колеблясь между осуждением действий собственных радикалов в Дагестане и не менее жёстким неприятием ответных военных акций России на территории самой Чечни. В конце концов противоречивые заявления и нерешительные меры руководства самопровозглашённой Ичкерии привели к полному разочарованию в нём со стороны Москвы, повторному вводу в республику федеральных сил и возобновлению войны между Центром и сепаратистами.

Список литературы:

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.
2. Федоренко М.В. Русский гамбит генерала Казанцева. М.: Олма-Пресс, 2003. 383 с.
3. Ляховский А.А. Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006. 640 с.
4. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. 464 с.
5. Малашенко А.В., Тренин Д.А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 267 с.
6. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
7. Асташкин Н.С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн. М.: Вече, 2005. 416 с.
8. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
9. Дагестанцы воюют с чеченцами и ваххабитами // Коммерсант. 1999. 3 августа.
10. Панченков В. Экстремисты прощупывают пути наступления. Обстановка на административной границе ЧР с Дагестаном накалена до предела // Красная звезда. 1999. 7 августа.
11. Стасовский А. Над Кавказом тучи ходят хмуро. Останется ли Россия единой и неделимой // Красная звезда. 1999. 4 августа.
12. Жилин А. Предвыборная кавказская война // Московские новости. 1999. 17–23 августа.
13. Солдатенко Б. Начальник Управления информации МВД РФ Олег Аксёнов – о ситуации в Дагестане: Бандиты будут уничтожены // Красная звезда. 1999. 24 августа.
14. Прокурор Дагестана просит выдать организаторов мятежа в двух районах республики // Северный край. 1999. 1 сентября.
15. Винсент М. Проблемы беженцев захлёстывают Россию // Русская мысль. 1999. 14–20 октября.
16. Потапов А. Владимир Путин: У нас выбор один – сплотиться, достойно ответить на вызов и победить // Труд. 1999. 28 сентября.
17. Келиматов А.А. Чечня: в когтях дьявола или на пути к самоуничтожению (история, аргументы и факты глазами очевидца). М.: Экопринт, 2004. 576 с.
18. Лория Е. Ваххабиты готовы развязать войну в Дагестане // Новые известия. 1999. 4 августа.
19. В Дагестане выявили зачинщиков исламской революции // Коммерсант. 1999. 5 августа.
20. Виноградов М. Чеченская война наоборот. Отбив нападение чеченцев на Дагестан, российская армия взяла психологический реванш за поражение в Чечне // Русская мысль. 1999. 2–8 сентября.
21. «Хаттаб – нормальный, законопослушный мужик». В этом уверен генпредставитель Чечни в России Майрбек Вачагаев // Коммерсант-Власть. 1999. № 31. С. 13–14.
22. Беловецкий Д. Дыхание в спину // Литературная газета. 1999. 11 августа.
23. Пресс-конференция президента Чечни Аслана Масхадова: «Борис Николаевич, давайте встретимся с глазу на глаз» // Московские новости. 1999. 5–11 октября.
24. Басаев, Березовский и другие // Советская Россия. 1999. 25 сентября.
25. Батуев В., Суховерхов В., Новиков В., Годаев А. Имамат XXI века. Чечню хорошо видно из Кремля // Московский комсомолец. 1999. 11 августа.

26. Гродненский Н.Н. Вторая чеченская: история вооружённого конфликта. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. 704 с.
27. Музаев Т. Политика страха. Терроризм как способ управления общественным сознанием // Русская мысль. 1999. 23–29 сентября.
28. Хатуев А. Масхадов призвал чеченцев рыть окопы. Басаев отрицает свою причастность к террористическим актам в Москве // Независимая газета. 1999. 14 сентября.
29. Быков А. Операция «Гамзат-бек»: блеф или угроза? // Парламентская газета. 1999. 19 августа.
30. Чечня призывает резервистов // Парламентская газета. 1999. 25 августа.
31. Ахмедханов Б. Ваххабиты не позволят России отделиться от Дагестана // Общая газета. 1999. 19–25 августа.
32. В горных районах Дагестана // Северный край. 1999. 10 августа.
33. Евстохов В. Прав Масхадов: лучше строить, чем воевать // Парламентская газета. 1999. 26 августа.
34. Ахмедханов Б. Сумеет ли Москва использовать свой шанс. Впервые после чеченского провала у России есть возможность чувствовать себя увереннее на Северном Кавказе // Общая газета. 1999. 2–8 сентября.
35. Масхадов призывает население рыть окопы // Новые известия. 1999. 14 сентября.
36. Бицоев С. Грозный отрицает «чеченский след» терактов в Москве // Новые известия. 1999. 15 сентября.
37. Крутиков Е. Чечня после взрыва. Масхадову требуются помощь и поддержка // Известия. 1999. 15 сентября.
38. Бицоев С. Казбек Махашев: «Я был противником похода на Дагестан...» // Новые известия. 1999. 18 сентября.
39. Арбиев А. Чечню бомбят. По словам моджахедов, уже погибло 40 человек // Московский комсомолец. 1999. 7 сентября.
40. Мурадов М. Аслан Масхадов: «Басаев не представляет власть и народ» // Московские новости. 1999. 14–20 сентября.
41. Гутнов В. Командующий 58-й армией Владимир Шаманов: «На территорию Чечни войска вводиться не будут» // Независимая газета. 1999. 9 сентября.
42. Мурадов М. Аслан Масхадов: Россия уже перебрала все средства давления на Чечню // Коммерсант-Власть. 1999. № 37. С. 15–18.
43. Шерматова С. Молчание по сценарию // Московские новости. 1999. 28 сентября – 4 октября.
44. Власов В.С. Дороги судьбы. Из записок «кавказского пленника». М.: Издательско-полиграфическое предприятие ООО «Бумажник», 2019. 360 с.
45. Алленова О.В. Чечня рядом. Война глазами женщины. М.: ИД «Коммерсант»; СПб.: ИД «Питер», 2008. 456 с.
46. Мурадов М. Ичкерия взяла войну на себя. Бывшие масхадовцы публично раскаялись в борьбе с Россией // Коммерсант. 2009. 1 июня.
47. Примаков Е.М. Встречи на перекрёстках. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. 607 с.
48. Масхадов А.А. Честь дороже жизни. 1996. 176 с.
49. Тумаков Д.В. Гражданская война в Чечне 1994 года глазами российских журналистов // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 2018. № 10. С. 326–331.
50. Владыкин О. Кара небесная. Ракетно-бомбовые удары резко изменили настроения жителей Чечни // Общая газета. 1999. 23–29 сентября.
51. Костоева М., Озиев М. Чем кончается родина. В Ингушетии зарегистрировано уже около 62 тысяч чеченских беженцев // Коммерсант. 1999. 30 сентября.
52. Жеребцова П.В. Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994–2004 гг. М.: АСТ: Corpus, 2014. 608 с.
53. Стулов О. Басаев и Хаттаб вступили в российскую кампанию // Коммерсант. 1999. 14 сентября.
54. Хатуев М. Москва между Дагестаном и Чечнёй // Независимая газета. 1999. 18 сентября.
55. Кто кричит «Держи вора!» громче всех // Парламентская газета. 1999. 26 августа.
56. Беррес Л., Лепина М. Кавказская война по натовскому плану // Коммерсант. 1999. 28 сентября.
57. Ахмедханов Б. Что дальше? // Общая газета. 1999. 26 августа – 1 сентября.
58. Хасанов М. Вооружённый налёт на день чеченской независимости // Коммерсант. 1999. 7 сентября.
59. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. 383 с.
60. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. Размышления, воспоминания, впечатления. М.: Издательство «АСТ», 2000. 430 с.
61. Тумаков Д.В. Дагестанская операция 1999 года в оценках российских либеральных партий и правозащитников // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. 2020. № 12. С. 294–300.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Тумаков Денис Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии; Ярославский государственный медицинский университет (г. Ярославль, Российская Федерация). E-mail: denistumakov@yandex.ru.	Tumakov Denis Vasilievich, candidate of historical sciences, senior lecturer of History and Philosophy Department; Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: denistumakov@yandex.ru.

Для цитирования:

Тумаков Д.В. Политика сепаратистского режима Чечни по отношению к войне в Дагестане в августе-сентябре 1999 года // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 258–264. DOI: 10.17816/snv2021101212.